

в различное время случайными исследователями. Скупы были описания первооткрывателей острова. По существу, до 1935 года остров Врангеля оставался белым пятном. Осветить геологию этого белого пятна — такова была задача, поставленная перед Громовым.

На обратном пути «Красина» высадил Громова у мыса Литке, расположенного в 60 километрах к северо-востоку от бухты Роджерс. С момента высадки он должен был сам переносить на себе свой дом — палатку, спальный мешок, без которого не заснуть в холодную осеннюю ночь, двухмесячный запас продовольствия, примус, керосин. Выделить в осенне время в помощь геологу хотя бы одного человека станция не могла — каждая пара рабочих рук была на учете, на собаках же ездить было рано.

Ученому предстояло прочесть книгу природы. Порою требовалось упорство фанатика, преданного своему делу, чтобы воссоздать утраченные страницы геологической летописи.

Перед ним лежала плоская тундра, срезанная береговым обрывом в 8—12 метров высотой.

Позади тундры горизонт закрывали высокие горы.

Берег моря — самое удобное место для ознакомления с геологией района. Здесь, у мыса Литке, глазам наблюдателя открывалась толща известняков и пестрых сланцев, слои которых смяты в причудливые складки. А что там, дальше на юг, что таит в себе прибрежная тундра?.. Он исходил окрестности мыса, излазил береговые утесы. Чуть ли не каждую гальку на берегу перевернул и осмотрел в надежде встретить обломок оруденелого кварца, или кусок угля, или другой намек на какое-нибудь полезное ископаемое.

Но не сразу дается в руки ключ к пониманию глубин земли. Еще много дней и месяцев прошло, прежде чем ему открылось строение острова.

В один из дней Громов шел вдоль внутреннего берега лагуны, отгороженной от моря пятнадцатикилометровой галечной косой Бруч, образовавшейся там, где береговая линия острова поворачивает к северо-западу.

То и дело на пути встречались ручьи и речушки. Не один раз приходилось искать брод, потом переобуваться, отжимать портняки.

Свечерело. Назад ити было поздно. Громов решил переждать до утра, если удастся, вздремнуть. Ночь без постели и без горячей пищи, на холодных камнях обещала быть явно неуютной. Но выбора не было. Громов сидел задумавшись. Вдруг на лагуне показалась стая гусей. Выстрел прокатился в тишине вечера. Подбитая птица забила крылом по воде, уходя от берега.

Громов выстрелил снова, вдалеке тоже послышался выстрел, — значит, здесь кто-то еще есть и подает весть о себе. Несколько раз обменялся Громов «визитной карточкой» с невидимым соседом. А немного погодя из-за устья речки показалась байдарка.

— Э-гей! Кто там на берегу?

— Давай ближе — увидишь.

Байдарка прижалась бортом к берегу, и из нее вышел молодой эскимос с крупными чертами лица и вихром жестких черных волос, низко падавших на лоб.

— С парохода ты?

— С парохода.

— Почему один и палатка нету?

— Палатка там, у мыса. Отшел далеко, думал ночевать здесь.

— Зачем здесь? Пошли нашу юрту. Тут близко. Там Таян.

— Таян? — заинтересовался Громов. — Слышал о нем. Это хорошо, что вы здесь. А тебя как звать?

— Я — Анакуля, — просто отозвался охотник. — Вася Анакуля.

— Ну, доброе, пошли.

Геолог с опаской влез в вертлявшую байдарку. Она, однако, легко и послушно скользила по воде под сильными ударами весла. На конце косы белела палатка. Здесь у самой воды их встретил другой охотник. Это был Таян. Когда подошли к костру, Громов с любопытством посмотрел на его лицо, освещенное неровным отблеском огня.

Громову протянул руку коренастый, среднего роста молодой эскимос. Таян, ничего не спросив, сказал:

— Ну, пойдем чай пить... Садись вот сюда, на шкуру. Хорошо будет.

Он обратился к Анакуле и быстро заговорил что-то по-эскимосски, очевидно, отдавая какое-то распоряжение. Анакуля скрылся в палатке. Голос Таяна был чуть глуховатый, но богат интонациями. В нем звучали повелительные нотки, — очевидно, Таян привык к тому, чтобы его слушали.

Закурили.

— Почему стрелял? Меня искал или охотился? — спросил Таян.

— Гуся бил.

— А... Они тут сели, да увидели нас — дальше пошли.

Снова помолчали. Таян снял чайник. Он настрогал кирпичного чая, высыпал в кипяток, налил в кружку густого душистого чая и протянул Громову.

— Пей... Сахар сейчас Анакуля принесет.

Г. Г. Петров во время обьеезда охотничьих становищ. (Зима 1935/36 г.)

— Это хорошо, — отозвался Громов.

— Охотишься на мысу? Да там какая охота! Моржа там нету, птица только, и то мало. И зачем один?

Громов объяснил, кто он и что делает один в тундре. Таян, покуривая, смотрел в огонь и внимательно слушал. Затем пристально поглядел в лицо собеседнику.

— Один — все равно плохо. Эскимос один далеко ходит, а русский дорогу не знает. Медведь здесь слышится. Гора крутой есть. Плохо, когда один.

Громов улыбнулся и сейчас же пожалел об этом. У Таяна дрогнула правая бровь.

«Самолюбивый», — подумал Громов и решил объяснить свою улыбку:

— Компас у меня хороший.

Таян встрепенулся. Лицо его сразу стало совсем детским — столько любопытства и нетерпения отразилось на нем.

— Дай песмотрю.

Постепенно завязалась беседа. От настороженности первых минут встречи не осталось и следа. Таян задавал бесчисленные вопросы о новых приезжих, особенно о новом начальнике. Жалел, что Жердев уехал, интересовался будущей факторией, грузами.

Тем временем в кotle сварилось мясо. Громов был голоден и охотно согласился принять участие в ужине, глядя, как Анакуля ловко орудует ножом и зубами. Таян выбрал кусок получше, зацепил ножом, протянул гостю.

— Кухай. Это морж.

Мясо было свежим, хорошо проваренным и даже посоленным. Только одолев изрядный кусок и утолив первый голод, Громов ощутил привкус рыбы, что не помешало ему повторить порцию.

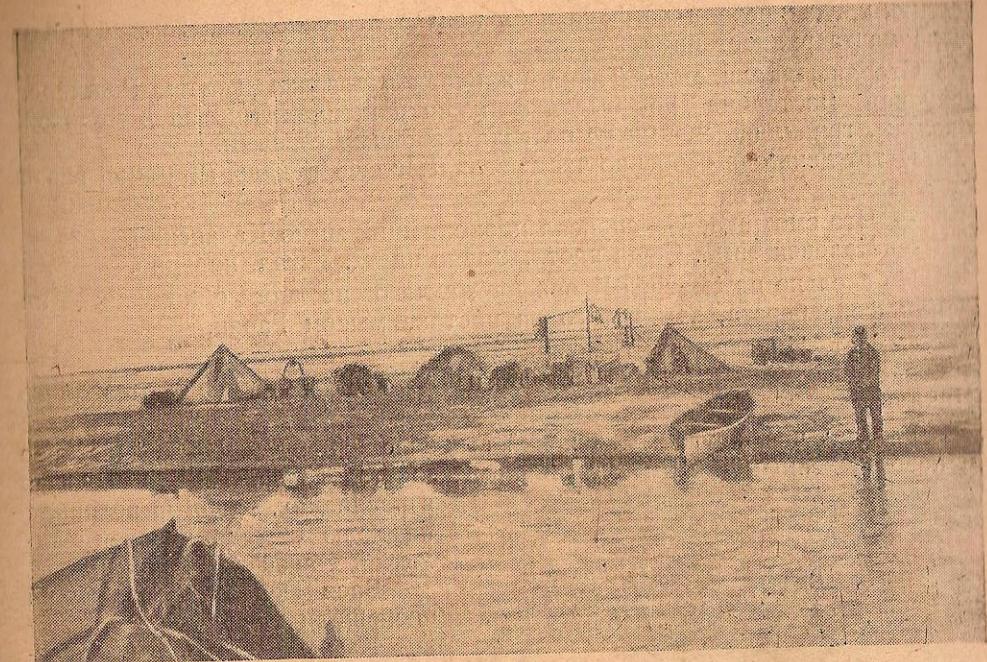
Долго сидели у догоравшего костра. Анакуля — молча, в нем угадывался тихий и ровный характер. Таян, наоборот, в каждом своем слове и движении выдавал свою горячую, страстную натуру. Рассказывая о Семенчуке, он весь дрожал от сдерживаемого гнева и незабываемая обида чувствовалась в тоне его голоса.

Когда Таян умолк, Громов сказал тихо:

— Ничего, поработаем вместе, наладим наши дела, Таян. Не горячись, Семенчука что вспоминать. Был — и нету. А нам жить надо. Будем друг другу помогать. Ты меня чему-нибудь научишь, а я тебе расскажу, что знаю.

— Правильно, — откликнулся Таян, — правильно...

Неподалеку плескались волны Ледовитого океана. На редкость теплая в эту пору года и безветреная ночь закрыла берег. Усталость брала свое. Анакуля расстелил шкуры, собрал мокрую обувь и вывесил ее снаружи. Громову уступили местечко посредине, чтобы было теплее. Засыпая, он успел только подумать о том, как хорошо это вышло, что он приехал на остров, что Таян и в самом деле интересный человек и что завтра надо бы пораньше встать.

Летнее становище Таяна на косе Бруч (северный берег острова). 1935 г.

На другой день Таян проводил Громова до ближайшего водораздела, с интересом приглядываясь к тому, как геолог вел свои наблюдения. Расставались оба с явным сожалением.

Так чередой потянулись трудовые будни. Продукты убавились, а груз все увеличивался за счет каменной коллекции. Пришлось расстаться с палаткой. Вглубь от берега Громов уходил с винчестером. Карты не было — приходилось самому наносить свои маршруты на планшет. Ночевал под открытым небом, ощущая все острее приближение зимы. Пришли морозы. А однажды в устье реки Клер путника застигла пурга. Пришлось наспех соорудить шалаш из остатков некогда стоявшей эскимосской юрты. Проснувшись поутру, Громов увидел, что поверх его кукуля лежит белое сугробовое одеяло в два вершка толщиной. Окрестности побелели. Лишь вода у берега чернела и лениво плескалась.

Назавтра снег стаял. Но оттепель держалась недолго. Кончался сентябрь. Самым печальным было то, что сапоги вконец износились. Их доконали каменистые россыпи. Подошвы ног покрылись сплошным кровавым волдырем. Нужно было кончать осенние маршруты. Проваливаясь по колено, местами по пояс, перебрался Громов через реку Клер. Кругом уже лежал настоящий снег. Громов вышел к морю и пошел высоким берегом, держа курс к бухте Роджерс. И как забилось

сердце, когда впереди на фоне неба показалась тоненькая черточка! То была мачта радиостанции.

Старая Инкали, мать Таяна, жившая в поселке бухты Роджерс, искусная мастерица по выделке кожи и пошивке обуви и меховой одежды, гордилась своими не по годам зоркими глазами.

В тот день она особенно часто вглядывалась в даль, защищая глаза ладонью.

— Что смотришь? — спросил проходивший мимо Казанский:

— Человек там... Сюда идет... Давно идет... Устал, наверно.

Но сколько ни смотрел Казанский, ничего не мог обнаружить на белом фоне берега, замкнутого на востоке мысом Гавай.

— Нет, Инкали, это тебе почудилось.

— Человек там. Я видела... Смотри хорошо, — обидчиво отозвалась Инкали.

Прошел час, другой. Казанский вышел с биноклем. Но сейчас уже и невооруженным глазом было видно — идет вдоль берега, то исчезая в распадках, то снова возникая на краю обрыва, человек с тяжелой ношей за плечами.

Вася Первак и Казанский поспешили навстречу.

Как радостно бывает возвращаться на базу, где тебя ждут и помнят, где о тебе беспокоятся! Для тебя одного немедленно затопят банку, накроют стол, и Иван Семенович вынесет в столовую тарелку благоухающего борща. Сколько внимания и участия в глазах окружающих! Как осторожны руки врача, забинтовывающего ноги! Как мягка подушка под головой! И как приятно засыпать, не заботясь о том, заряжен ли винчесгер, крепко ли натянута палатка.

К этому времени на станции уже царил полный порядок. С берега было убрано все, что загромождало его в день отхода «Красина». Грузы были размещены по складам. Собаки сидели на привязи. Только щенки бегали на свободе.

Часть нового склада была

отведена под факторию. Здесь хозяйственно двигалась громоздкая, чуть сутулая фигура заведующего хозяйством станции и факторией Кибизова. Товары заманчиво смотрели с полок. Сверкающие примусы и ламповые стекла, капканы, пыжики, посуда, шоколад, сахар, мука, масло, охотничий припасы — все было готово к приходу покупателя. Открытие фактории приурочивалось к годовщине Октябрьской революции и острожно слету охотников.

В помещении кают-компании радовало обилие книг. Библиотека, основы которой заложил еще Ушаков, — гордость полярной станции. В углу стояло пианино. Рядом, в кухне, шипела плита, на все голоса пели чуть ли не ведерные чайники, сияли кастрюли и над всем этим огнедышащим хозяйством высился в белом колпаке и фартуке длиннобородый Иван Семенович Кузякин.

О, эта борода!.. Как ни боролись с нею зимовщики, как ни уговаривали они Ивана Семеновича расстаться со столь ветхозаветным украшением, он был неумолим:

— Отстаньте! Как это я буду босиком... Лучше уж увольте, а бороду не сниму. Французы! (Это было его любимое обращение.) Брысь из кухни!

Кузякин бросал на горячую сковородку масло, треск которого заглушал товарищеский дружный смех.

Пришлося мириться с бородою, прощать Семеновичу его причуду за уменье вкусно приготовить любое блюдо.

Эскимосы станционного поселка ходили в европейской одежде, не изменяя только национальной обуви — торбазам.

Что особенно бросалось в глаза — это взаимоотношения людей. Русские запросто захаживали в дома националов, эскимосы охотно обращались к русским. За какие-нибудь два месяца, казалось, сам воздух станции стал свежее. В простоте взаимоотношений, в безыскусственном внимании к нуждам эскимосов чувствовалось нечто, чему эскимосы, может быть, и не находили названия, но что можно было определить одним словом — человечность.

Повар И. С. Кузякин.

Апрель. Казанский загорает.

Призрак Семенчука уже отошел в прошлое. На станции избегали упоминать это имя. Октябрь еще более упрочил связи эскимосов с работниками станции. Авралы закончились, осенняя охота прошла удачно, зимний промысел еще не начинался. Освободилось время для проведения культурной работы.

Началось с того, что жена Таяна, жизнерадостная маленькая Таслекак, и его сестра, пятнадцатилетняя Какунга, изъявили желание продолжать учебу, начатую с Власовой. Они обе уже умели читать и писать. Сейчас им больше всего хотелось научиться радиоделу. Они часами сидели на одном месте и смотрели, как радиостанция ловко выступивает свои точки и тире. Сначала они упросили радиостанции дать им «попробовать» ключ. Надо было видеть, с каким выражением лица Таслекак отстучала первые пять букв алфавита. Какунге, с ее необычайно развитым слухом и чувством ритма, шутя давались любые комбинации. Так возникли первые «радиокурсы» с регулярными занятиями, привлекавшими не только Таслекак и Какунгу, но и их подруг не менее, чем излюбленное их занятие — танцы. Так же стихийно возникла школа. Шестеро ребят в возрасте от восьми до одиннадцати лет шумной гурьбой вкатывались в кают-компанию, где на первых порах проходили занятия. Дети севера умеют озорничать так же, как и все другие. Не раз из своего «святая святых» выходил Иван Семенович с длиннорукой поварешкой и, грозно тряся бородой, говорил разные «страшные слова». Увы, ребята знали Ивана Семеновича достаточно хорошо и «со страху» бросались к нему навстречу всей гурьбой. Иван Семенович живо отступал за дверь кухни:

— Ну вы, французы... Цыть!..

Занятия вели партторг станции Казанский. Стоило ему появиться в дверях кают-компании — и моментально устанавливался порядок. Дети рассаживались за длинным столом, и учеба начиналась.

Маленьких эскимосов приходилось обучать не только грамоте, но и умению содержать одежду и руки в чистоте, беречь свои учебники и тетради.

Часто в часы уроков в кают-компанию заходили взрослые эскимосы. Они тихо усаживались в стороне и прислушивались к тому, что говорилось на уроках, потом, не выдерживая роли наблюдателей, начинали вставлять свои замечания и поправки. В конце концов пришлось организовать ликбез и для взрослых.

В одной из комнат старого дома Ушакова, где жили эскимосы, в вечерние часы под руководством Инкали работала пошивочная бригада. Из-под ловких маленьких рук выходили прочные, искусно спитые непромокаемые торбаза, меховые чики и кухлянки. Но ни одна из женщин не могла сравняться с Инкали — так ровен и мелок был ее стежок и так удобны спитые ее руками вещи.

Пока шла деятельность подготовка к празднованию годовщины Октябрьской революции, неутомимый Степа Семенов извлек со склада нефтяной двигатель «Урал». По всему видно было, что механиком овладела некая идея. Вскоре у Семенова нашлись помощники; они

Праздничный номер стенгазеты «Полярный форпост».

обходили поселок, вколачивали то тут, то там ролики. Поселок облетела новость: Степа решил к празднику провести по всем домам электричество. Тут уж помощников объявилось столько, что хоть отбавляй. Затея Семенова стала большим коллективным делом.

6 ноября среди эскимосов царило оживление небывалых масштабов. На праздник со всех концов острова съехались охотники и их домочадцы, начиная с грудных ребят до беловолосых прабабушек. Семья Анакули приехала с далекого северного побережья, Иноко и Кивьян — с мыса Блоссом, Кмо — с прославленной изобилием дичи и растительности реки Гусиной, Паля — из бухты Сомнительной, знаменитой своим лежбищем моржей, Нанаук — с реки Хицников.

Приехавшие бежали в баню, еще жаркую после паровой ванны, которой накануне наслаждались Таян и Кибизов. Помывшись, одевались в новое и чистое, оглядывали друг друга, хлопали в ладоши, давали шутливые прозвища. Ребяташки в нетерпении осаждали крыльца дома, где помещалась кают-компания.

Спустились ранние осенние сумерки. В кают-компании завели патефон, и, будто по сигналу, со всех концов поселка заспешили зимовщики и охотники. Их встречали Громов и Первак, усаживали на скамьи и стулья. Вскоре свободными остались только места для президиума.

Как раз над ними висел первый номер островной стенгазеты «За образцовую зимовку». Но вот в дверях показались начальник острова Петров и партторг Казанский в парадной форме, сияющий даже в полумраке не освещенной еще комнаты рядом медных пуговиц. В сумерках едва угадывались лица собравшихся. Говорили вполголоса, унимали детей.

И вдруг мелькнула и мгновенно погасла раз, другой лампочка под абажуром. Все стихло в нетерпеливом ожидании. И вот новая вспышка — и ровный яркий свет полился во все углы помещения. Жмурясь от непривычного обилия света, гости неудержанно, будто по договору, начали аплодировать кудеснику Степе, оглядывая комнату, где все стало вдруг каким-то неузнаваемо новым. И сами люди в праздничной одежде вдруг увидели себя новыми и необычайными.

Речь начальника Петрова слушали внимательно. Таян переводил. Слушатели вставляли реплики по-русски и по-эскимосски. Говорил Казанский, потом Таян, еще кто-то из охотников и, наконец, Инкали. После торжественного заседания читали вслух газету — большая часть заметок была написана со слов охотников. Обсуждение продолжалось на крыльце, куда мужчины вышли покурить, пока женщины в кают-компании накрывали столы. Чудовищных размеров торт особенно привлекал внимание детишек.

Пир шел горой. Первый тост был провозглашен за того, заботой которого была обеспечена на острове счастливая жизнь, — за родного друга северных народов, великого Сталина.

Около полуночи матери разошлись по домам укладывать детей спать. Уложив, вернулись обратно. Грязнул струнный оркестр под управлением Казанского. Эскимосы были в восторге, глядя, как ловко управляетя с гитарой Какунга, а школьники Альхпаун и Андрей быстро перебирают струны балалаек. Потом школьники пропели русские песни. Но вот на середину комнаты вышел Кивьян. Он исполнил танец «моржа». Эскимосы окружили его и запели, отбивая такт ладонями. Кивьяна сменил Паля в танце «корона», Таян исполнил танец «медведя»...

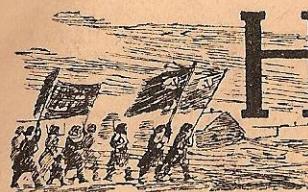
Уже близилось утро, когда кают-компания опустела.

Через день, 8 ноября, начался слет охотников, продолжавшийся целую неделю. Кибизов беседовал с эскимосами о пушном хозяйстве острова, плане пушзаготовок на предстоящий сезон, о подкормке песца. Петров и Казанский организовали собеседования на общественно-политические темы. Были распределены охотничьи участки на предстоящий промысловый год.

14 ноября — традиционное начало зимнего охотничьего сезона на острове. Охотники распрощались с гостеприимным поселком и разъехались по домам, чтобы весной снова встретиться и подвести итоги зимней охоты. Каждый увез с собой необходимый запас охотничьих припасов и продовольствия, а также домашнюю утварь, одежду. Но самое главное — познакомившись с новыми хозяевами острова, охотники унесли с собой уверенность в завтрашнем дне. Им не страшны были ни зима, ни холод.

ГЛАВА XV

ЛЮДИ ОСТРОВА

А ПОЛЯРНОЙ станции наступили будни.

На первый взгляд они очень однообразны, особенно в небольшом коллективе, где волей-неволей лица людей примелькаются в первые же месяцы тесного общения, где изо дня в день царит установленный раз навсегда режим. Повар просыпается в 6 часов, общий подъем в 8, в 9 часов завтрак, в 2 часа дня обед, в 9 часов вечера ужин. Остальное время расписано у каждого по-своему. И только вечер после ужина не регламентирован: читай, играй на билльярде, «забивай козла», танцуй. В определенные дни после ужина проводились кружковые занятия. И вот уже и нет однообразия. Сегодня прочитал книгу — завязался спор с соседом. Завтра — киносеанс. Степа будет усердно крутить ручку аппарата, и на полотне экрана, «как в настоящем кино», возникнут знакомые образы людей и городов Большой Земли. И каждый день обязательно после ужина радист читает свежую сводку ТАСС.

Далеко не всегда безоблачно «небо» в кают-компании. Никакой регламент не в состоянии помешать проявлению индивидуального. И не всегда это индивидуальное идет в ногу с настроениями и мнениями коллектива. Бывают ссоры и на самых благополучных зимовках, и еще какие ссоры. Только там, где работают дружно, обиды живут не долго. Попробуй беречь в памяти грубость, брошенную вчера за столом по твоему адресу, если сегодня на аврале по распилке дров ты работаешь в паре с обидчиком. Сначала молчат оба. Но вот невольно схвачен нужный ритм, послушно скользит по дереву пила. И вот уже один чувствует, как устала рука другого.

— Отдохнем...

— Отдохнем, пожалуй...

Курят... Молчат... Смотрят в разные стороны, пока не замечают, что у соседней пары сделано больше. При этом нечаянно глаза встречаются, обязательно встречаются. И так же молчком взялись снова за пилу. А через полчаса-час дух веселого азарта овладевает и вами и соседом... Вот и шутка родилась... Смех... Ну, значит, все в порядке.

Бывает и иначе. Задурит кто-нибудь один — отголосок чувствуется на всей зимовке. Слово за слово, и вдруг сорвется всего одно словечко. Одно, да лишнее. Не вернуть. И пошло, и пошло... А ведь уйти некуда — это не Большая Земля: обедать все равно придется за одним столом.

И долго будет всем неловко от молчания двух, и пустяк может обернуться трагедией, если во-время не направить события в другое русло. Так и на зимовке 1935/36 года бывали сумрачные дни. Но здоровое начало и сознание ответственности именно за эту зимовку брали верх над маленькими страстишками.

Труд — лучший лекарь. Это неважно, если какой-нибудь аврал начи-

нается с принуждения. Добровольцы найдутся потом, как найдутся и стахановцы. Важно только, чтобы без лишних слов было совершенно ясно, что и зачем нужно делать. В преодолении трудностей, в соревновании человек получает закалку.

В свободном труде рождается изобретательность. Семенов начал с «лампочки Ильича», да так и оставил за собою первенство. Зимой были организованы срочные наблюдения над уровнем моря. Наблюдательный пункт был вынесен в открытое море километра за два от станции. К наблюдениям было привлечено все грамотное население полярной станции, за исключением радииста и повара. Дело это нехитрое — каждый час записывать отметку метеографа, но оно требует постоянного присутствия человека. А в море есть где разгуляться ветру и мороз кажется зле. Скучное это дело — сидеть и ждать срока. Семенов задумался, стал больше времени проводить в своей мастерской и однажды, торжествуя, заявил о том, что он приспособил к метеографу самописец. Так Семенов сэкономил много человекодней, затрачиваемых у метеографа посменными дежурными.

Следом за Семеновым торжествовал победу метеоролог Вася Первак. Он долго ломал голову над тем, как заставить самописцы безотказно работать, независимо от погоды, добился своего и, кроме того, установил три контрольных самописца.

Не было однообразия и в окружающей природе. Перестали казаться унылыми окрестности и в их суровости наметилось свое очарование. Пурга сменялась то обильной изморозью, одевавшей строения и провода пушистой белой оторочкой, то тихими морозными днями, когда дым прямыми столбами поднимался над крышами в небо. Гулко трещал лед в море. У внешней косы росли нагромождения торосов. Поляхали внезапно возникавшие северные сияния. Бежит кто-нибудь из столовой, как всегда, налегке, только шапка на макушке да руки в карманах, и невольно останавливается на крыльце «на минуточку», да так и замрет, очарованный красотой сияния, пока мороз не напомнит о себе. А наутро, глядишь, ходит парень с красными, распухшими, величиной с лопух, ушами: обморозил — и не заметил, как.

В один из пургливых вечеров Вася Первак в положенный час собрался на метеоплощадку производить наблюдения. Вышел на крыльце — вокруг ветер и тьма. Засветил фонарь. Белые космы пурги хлестали землю, завивались у порога маленькими смерчами. Шагах в десяти в полосе света мелькнул желтовато-белый мохнатый бок.

— Белый, Белый! — позвал Первак своего приятеля, мохнатого пса, обычного спутника его дежурств.

Но собака не шла на зов. Да и что-то слишком велика была эта собака. Ба..! Медведь! Мохнатый, тощий зверь, мешковато ступая, огибая угол строения. Вася кинулся за винтовкой, всполошив всех остальных обитателей дома. Собаки тоже почуяли неожиданного гостя, — поднялся лай на всю окрестность. Медведь пошел было в море, но у края косы, возле самой рации, его настигла пуля.

Зверь был громадный и «сухой». В желудке у него обнаружили всякую дрянь, включая.. окурок папиросы. Мишка, наверно, здорово проголодался, если пришел к самому жилю.

Зимовщики по очереди обезжают на лыжах или на собаках свои охотничьи участки. Песца в том году было на острове немного, поэтому охотники часто возвращались ни с чем.

13 января полярники узнали по радио, что в августе 1936 года будет праздноваться десятилетний юбилей советизации острова. Эта весть быстро облетела зимовья. На станцию приезжал Паля. Услыхав новость, он быстро собрался в гости к Нанауну. Нанауну немедленно понадобилось навестить Кивьяна и Ниоко. В те же дни Таян побывал на севере у Анакули. За какие-нибудь три-четыре дня «торбазное радио» сделало свое дело.

Охотники в честь предстоящего праздника начали соревнование: кто больше добудет песца и медведя.

Еще зимой было решено начать топосъемку, чтобы обеспечить привязкой летние геологические маршруты. Прежде всего предстояло заснять берег острова, так как все имевшиеся до сих пор карты были мелкомасштабными и очень неточными.

В начале февраля Громов и Казанский выехали на одной нарте в восемь собак на запад, вдоль южного берега острова. Февраль на острове Врангеля — месяц крепких морозов и затяжных метелей. Однако откладывать до весны эту часть работы нельзя было. Нужно было использовать саний путь.

Нарту нагрузили до отказа. Помимо продовольствия для людей и собак, меховых спальных мешков и палаток, взяли походный теодолит «Гарлей», анероиды и дальномерную рейку.

Работу начали с астрономического пункта в бухте Сомнительной. Передовым на нарте ехал реечник — Казанский. Он останавливался в пунктах, где береговая линия меняет свое направление. Находившийся позади съемщик

Геолог Л. В. Громов перед выходом в маршрут.

Громов тем временем устанавливал теодолит. Замер по рейке и по анэроиду сделан. На планшете отложено расстояние. Условный знак рукой—реечник забивает колышек на месте снятой рейки и едет дальше. А съемщик взваливает на плечи треногу, теодолит и пешком идет к колышку. Снова установка теодолита, снова замер, знак рукой, и так далее до тех пор, пока глаз в состоянии различать деления на рейке и нити в окуляре инструмента. В первые дни путники проходили рабочим ходом 6—7 километров. На остановках засыпали, «не донеся ложки до рта». Потом втянулись, натренировались. Хотя Казанскому, вынуженному носить на морозе очки и груз прожитых сорока девяти лет, и приходилось туговато, однако цифра дневного перехода все росла и росла, пока в конце концов не достигла 18 километров.

Не каждый день радовал погодой. Чаще всего с гор струилась поземка, обжигавшая лицо и забиравшаяся за откинутый верх малицы. В ходьбе, да еще с тяжелым грузом, разогреваешься быстро, но едва остановишься, как по мокрой, вспотевшей спине побегут злые, холодные мурашки. Мучает жажда. Но не вздумай есть снег. Жажда станет совершенно непереносимой. Опаленный язык распухнет, потрескается. Беда несдержанному и нетерпеливому... Лучше уж дождаться привала где-нибудь под скалой, в затишье.

Едва начинало смеркаться, Казанский высматривал местечко поуютнее и раскидывал палатку. Он успевал наколоть льду, развести примус или костер, если поблизости случался плавник, пока подходил Громов. Собаки внимательно и нетерпеливо следили, как Казанский рубил мерзлое мясо. Сейчас они получат свой паек — единственный раз в сутки. О, блаженный миг! Собаки ловят на лету куски, торопливо глотают. Вот и все. Те, что поумней, знают, что больше ждать нечего. Они быстро уминают ямку в снегу, укладываясь уютным комочком и спят. Молодые собаки скуют, умильно склонив голову набок и поглядывая на людей: не перепадет ли еще кусочек? Отчаявшись, долго вертятся на месте, выбирая положение поудобней.

Но вот и они затихли.

Шипит примус. В палатке тепло, можно сидеть без малиц. Ароматный чай согревает «душу», а в кастрюле уже закипает нехитрое похэдное варево. Вскоре маленький одинокий лагерь погружается в сон.

Парторг Казанский решил использовать поездку также для того, чтобы ознакомиться с жизнью охотников.

Первым в бухте Сомнительной встречал гостей Паля.

Гостям искренне обрадовались охотник и его жена. Сахар хрустел на острых зубенках детишек. Взрослых интересовали новости. Новости же были очень важные.

При вражеском хозяйствании Семенчука эскимосы были лишены возможности охотиться и впали в большую задолженность. Эту задолженность они не могли погасить немедленно, фактически долг переходил из года в год. В возникновении этой задолженности эскимосы не были повинны, поэтому начальник Главсевморпути распорядился

На собаках по острову.

снять с охотничих хозяйств долги, образовавшиеся до 1 января 1936 года, в сумме 28 251 рубль.

Этот приказ имел огромное значение для промышленников. Освободившись от груза долгов, хозяйство могло нормально развиваться. Казанский объявил об этом приказе Пале. Он радостно заволновался и несколько раз по-эскимосски объяснил своей жене слова Казанского. Рука его с потухшей трубкой слегка дрожала.

Долго текла беседа. В накуренном воздухе чуть теплился огонек керосиновой лампы. Когда хозяйка и дети уснули, мужчины договорились о том, что весной Паля будет охотиться на медведя вместе с работниками полярной станции, так как одному на медведя ходить несподручно. Нужно ведь не только убить зверя, но и освежевать его, пока туша не замерзла, да к тому же и привезти с собой живых медвежат, что составляет одну из наиболее выгодных статей промысла.

Наутро, отъехав с полкилометра от жилища Пали, Казанский остановил собак. Закурили.

— Видел?

— Н-да, неважно живут.

— Забросить бы сюда стандартных домиков с десяток. В рассрочку охотники в три-четыре года погасят их стоимость.

От утеса к утесу, от одного колышка к другому незаметно путешественники добрались до мыса Блоссом — юго-западной оконечности острова. По пути они побывали у Нанауна, Иноко и Кивьяна. Все жаловались, что в этом году мало песца, все с нетерпением ждали весны, чтобы поохотиться на медведя. Но ни один не забывал спросить, как идут дела у соседа, ни один не хотел уступить первенства. Все помнили о взятых обязательствах и о предстоящем юбилее. Все с радостным волнением принимали известие о ликвидации задолженности за прошлый год.

К 23 февраля путешественники вернулись на станцию. А через два дня Громов пошел в новый маршрут.

Так с небольшими перерывами геолог провел в разъездах весь февраль, март и апрель, обхажал остров вдоль его восточного и южного берегов. В помощь ему станция каждый раз выделяла по одному человеку. Работа шла дружно, несмотря на то, что непогода отнимала почти половину времени.

По примеру предыдущих лет, 15 марта началась медвежья охота.

Семья эскимоса Пали.

Погрузка на катер домика для перевозки в устье реки Хицников. 1935 г.

Казанский и Степа Семенов охотились с Палей. За десять дней они убили 10 медведей и добыли 13 медвежат.

Перед этим на станции произошло событие: аэролог Вася и дочка Пали, молоденькая Какак, которую зимовщики давно перекрестили по ее желанию в Зину, объявили, что они решили пожениться. Дружно отпраздновали свадьбу. У коллектива прибавилось забот: молодые ссорятся — надо мирить. А ссорились они, признаться, довольно часто. Зато в дни согласия не одна пара глаз следила за Васей и Зиной, невольно завидуя их молодости.

Пришел очередной аврал — решено было вырыть котлован под будущий ветряк. Мерзлую землю взрывали аммонитом. Гул взрывов вначале пугал эскимосов, но скоро они привыкли к необычному грохоту и взлетающим к небу столбам песка и камней.

Все длиннее становились дни. Много солнца. Появились первые проталины. Нужно готовить пловучие средства к весенней охоте и навигации. Снова аврал — по ремонту катера «Стахановец», двух вельботов и моторов к ним.

Немало забот прибавилось по хозяйству. В свинарнике обнаружился «большой урожай» молодняка, требующего ухода.

В общем у каждого зимовщика дела было хоть отбавляй.

Вскоре пришли новые вести с Большой Земли. Закончилось следствие по делу Семенчука. Предстояла сессия Верховного суда РСФСР.

И снова «торбазное радио» оповестило охотников о том, что многие начальники полярных станций написали общее письмо в Верховный суд, в котором требовали расстрела Семенчука и Старцева. Охотники решили написать и свое письмо в Москву.

«Зимовщики и туземцы целиком, — писали врангелевцы, — присоединяются к письму начальников полярных станций по поводу судебного процесса над Семенчуком и Старцевым. На острове еще не изгладились воспоминания о времени преступлений Семенчука, которые лежат тяжелым и темным пятном на светлом десятилетии советского освоения острова...»

Эскимосы писали, что они «с чувством негодования вспоминают Семенчука, воскресившего в их памяти то проклятое рабское время, когда их народ был предметом угнетения, бесправия и издевательства. Нет возврата к прошлому. Нет и не должно быть места в Советской стране человеку, который пытался оживить это прошлое».

Инкали, старейшая и мудрейшая из всех, Инкали, чья доброта и отзывчивость были известны всем, первая, не колеблясь, подписала смертный приговор Семенчуку. Так же неспеша один за другим подписывали это письмо охотники, собравшиеся в кают-компании станции. Эти люди хорошо знали цену жизни человека. И во имя жизни многих они, не задумываясь, подписывали смертный приговор врагу.

Тогда же было написано и послано в газету «Правда» письмо охотников-эскимосов острова Врангеля. Этот замечательный документ заслуживает того, чтобы его привести полностью.

«Десять раз зимой пряталось солнце, и было десять больших ночей, — писали эскимосы. — Десять раз солнце летом долго оставалось на небе, и было десять больших дней. Десять раз приходили летом моржи и прилетали птицы. Столько мы живем на острове Врангеля.

Иногда мы смотрим назад, чтобы увидеть нашу старую жизнь на Чукотке. Всем нам было тяжело оставлять землю наших отцов и ехать на неизвестный остров, куда нас звал умилек Ушаков. С каждым из нас долго говорил Ушаков. Мы ему поверили. Поехали. Он нам сказал правду. Мы нашли хорошую жизнь.

Когда мы смотрим назад, мы видим, как с умилеком Ушаковым, потом с умилеком Минеевым мы учились узнавать дороги, места, где живет зверь, учились добывать зверя, которого не встречали на нашей земле. Еще когда смотрим назад, видим, как один раз мы с Ушаковымшли пешком через остров. Началась пурга, потом сильный туман. Мы шли очень долго, устали; думали — умрем. Тогда Ушаков нашел у себя в сумке и делил с нами маленькие кусочки мяса и хлеба, и мы остались живы. Тогда мы узнали, что советские люди не боятся опасности. И мы узнали, как большевик относится к эскимосу.

Теперь мы знаем остров, как свою ярангу. И горные перевалы знаем, и реки, и ущелья. Мы хорошо научились охотиться на морского и пушного зверя. Таян убил много медведей, а Нноко добыл много песцов. Мы все хотим быть, как Таян и Нноко. Мы их все равно догоним.

Раньше, до советской власти, в наших головах было темно, как в большую ночь зимой, когда нет солница. Нас не учили и школ нам не давали. Теперь мы

грамотные. Сейчас есть школа, учатся восемь детей и семь взрослых. Мы читаем книжки на нашем эскимосском языке. Пять человек изучили мотор, они пойдут на моржовую охоту на катерах. Еще хорошо, что организовали женскую пошивочную артель, которая шьет одежду нам и зимовщикам.

Мы все видим, что стали другими. Лучше охотимся, лучше живем. Мы теперь ходим в баню, лечимся только у врача, чисто моем посуду; умеем печь хлеб. Нам понравилось носить нижнее белье, и мы его стираем. У нас есть европейское платье, и когда не холодно, мы его носим. Оно чистое и удобное. У нас есть 37 свиней, а фактория дает нам разные продукты и товары. Мы немножко учим танцевать по-нашему и зимовщиков с полярной станции. А они учат трех наших эскимосов на радиостанции и метеорологов.

Мы, эскимосы, всегда говорим правду, и нам нравится рассказывать о нашей жизни. Мы думаем, нас услышат хорошие люди на Большой Земле и поймут нас. Мы уже не инородцы, как называли нас до революции. Теперь мы граждане, как все, кто живет и хорошо работает на советской земле.

В наших головах теперь светло. Только прошлую зимовку нам было худо, потому что был плохой, худой Семенчук — чужой и злой человек. А советская власть — это как Ушаков, Петров, Казанский и Минеев, с которым мы жили пять зим! Он нам помогал, мы помогали ему. Летом он нам присыпал карточки, книги и конфеты нашим детям.

Нам Казанский и Петров читали, и потом мы сами читали телеграмму о том, что в финляндских газетах пишут, будто у нас на острове восстание против советской власти. Мы искали на карте Финляндию, и нам было очень смешно. Мы, эскимосы, всегда смеемся над людьми, которые врут, и не любим врунов. Они как собаки, которые по-пустому лают. Наверно, это врут такие же купцы, как те, которые нас грабили до советской власти.

Советская власть ведет нас к радости и к хорошему. Хорошими были люди, которых послала нам советская власть. Они были друзьями и товарищами нашими. У них мы научились любить свободную жизнь, труд и беречь народную советскую власть, а дураки-купцы не понимают этого. И кто будет драться с советской властью, мы с теми тоже будем драться. А стрелять мы умеем так, что тюленю в глаз попадаем.

Мы все решаем остаться на острове; он теперь наш родной, советский остров.

Самая старая из нас — Инкали сегодня сказала: «Жалею, что старая». Это потому, что промысел хороший, много друзей и много радости. Мы шлем рабочим привет и спасибо за помощь и советы.

Пусть долго живет наш самый большой и родной умилек и отец Сталин! Мы его любим больше всех на земле.

Охотники-эскимосы: Таян, Нноко, Кмо, Кивъян, Паля, Аналько, Накимак, Нанукали, Анаакак, Попов, Инкали, Таслекак, Наппа, Нэканен, Нанакан, Какунга, Нанка, Наби, Нанаун и наши семьи».

1 мая 1936 года на острове состоялась первая демонстрация. Она не была похожей на те многолюдные и красочные шествия, которыми города Большой Земли отмечают революционные праздники. По террито-

рии поселка полярной станции прошла небольшая колонна с одним плакатом и двумя знаменами. Но участники ее ощущали этот день, как особый, и этот свой путь, как путь победы советских людей над суровой природой и над всем тем, что враждебно Советской стране.

Утром 2 мая несколько собачьих упряжек выстроились в очередь возле рации. Визг, лай, громкий говор, окрики каюров. Предстояли собачьи гонки. Охотники с азартом войдали нарты, поправляли алыки. Зрители, смеясь, заключали пари.

Сигнал. Одна за другой упряжки рванулись с места. Вожаки задних нарт нетерпеливо подывали, ожидая своей очереди. Наконец, стартали все соревнующиеся. Только снежная пыль завихрилась на лагуне. Видно было, как у мыса чья-то нарта опрокинулась. Отчаянный визг донесся оттуда — наверно, неудачный гонщик «учил» своих «рысаков». Прошло полчаса, час, нетерпение ожидающих достигло апогея, как вдруг из-за мыса показалась первая черная точка. Зрители хлынули навстречу. Кто едет, кто?..

Победительницей оказалась стационарная упряжка, покрывшая расстояние в 20 километров по прибрежному слегка торосистому льду за 1 час 29 минут. Сытые, хорошо тренированные животные без труда обогнали остальные нарты. Этими гонками зимовщики на практике разрешили стародавний спор с охотниками, которые утверждали, что «собаку баловать нельзя» и что она сама должна приспособливаться и к ветру, и к морозу, и к полуоголодному существованию. На станции собак кормили регулярно, а в большие холода помещали в закрытом собачнике. Молодняк держали на особом рационе.

3 мая начался весенний прием пушнины. За зиму было добыто 275 шкурок песца, 70 медведей и более 20 медвежат. Наиболее отличились Таян, выполнивший план на 150 процентов, и Иноко, перевыполнивший план на 14 процентов.

В эти же дни, используя последние недели санного пути, геолог разбросал по острову базы, чтобы обеспечить людей, занятых съемкой, привольствием на лето, когда по горам и тундре из-за отсутствия механического транспорта можно передвигаться только пешком.

Базовая избушка в устье реки Хищников.

Зимняя стоянка геолога в долине реки Клер. Март 1936 г.

К сожалению, по весенней тундре далеко не уйдешь и не уедешь. Лучшие погодные дни приходится отсиживаться на базе. В тундре бурно пенятся потоки. Через месяц они высохнут совершенно, а сейчас представляют собой непреодолимые препятствия для пешехода.

В конце июня Громов покинул станцию в сопровождении Таяна. Остающееся до появления моржа время Таян решил использовать в походах по острову. Его неотразимо притягивало все новое, и работа геолога пришла ему по душе. Таян научился помогать в глазомерной съемке и очень гордился тем, что принимает участие в составлении карты острова.

За плечами у обоих, как всегда, был несложный ассортимент походного хозяйства, где нет ничего лишнего, но предусмотрено все самое необходимое, вплоть до иголки и нитки. Часть снаряжения навычили на собак. Каждая из них в состоянии нести груз в 6—8 килограммов: керосин, несколько банок консервов, сковородку, мыло.

Дружок и Дик, четвероногие участники маршрутов, от базы к базе шли под выюком на поводке. В обычные рабочие дни они бегали на свободе, добывая пропитание себе, а заодно иной раз и своим хозяевам — линная птица на сушке не может спастись от собаки.

Однажды выдалось тихое, чуть пасмурное утро. Миражило: над

линией горизонта вставали горы, как бы повисшие в воздухе своими основаниями. Таян в качестве проводника должен был провести Громова кратчайшим путем в один из пунктов северного побережья, минуя бесчисленную сеть озер, на обход которых пришлось бы потратить много времени.

Таян шел уверенно, — эти места он знал хорошо, — и вдруг остановился. Путь внезапно преградило большое озеро. Откуда оно взялось? Таян усился на пригорке и еще раз огляделся. Все было на своих местах — и дальняя гора, одиноко стоявшая на равнине, и ближние камни. А перед глазами озеро, которого не было здесь никогда. В утренней дымке очертания его казались расплывчатыми и поминутно менялись. Вот озеро вытянулось, стало овальным, вот оно как бы расплескалось по тундре, и белая пленная полоса захлестнула низинки, за минуту до того свободные от воды.

Таян вооружился биноклем и... рассмеялся.

— Громов, смотри-ка! Живое озеро.

И впрямь, озеро разрасталось вширь, как бы приближаясь к путникам.

— Куда же ты меня завел? — шутливо упрекнул Громов Таяна. — Не озеро, а целое море... Его и за день не обойти.

Таян улыбался и молчал. Вдруг косой солнечный луч пробежал по тундре, как бы зажигая ее своим прикосновением. Налетел порыв ветра, Громов в изумлении оглянулся — вокруг творилось что-то непонятное. Дымка над землей растаяла, будто завеса поднялась над горизонтом, а на месте озера совсем близко оказалось огромное гнездовище гусей. Ложбина в несколько километров шириной от края до края шевелилась, как живая. Десятки тысяч птиц сидели на гнездах, а возле них стайками паслись самцы.

Дик и Дружок рванулись вперед, но поводки не пускали их.

Привязав отчаянно лаявших собак, Таян и Громов пошли к гнездовищу и за какие-нибудь десять минут набрали полные шапки еще не насиженных яиц, убили несколько гусей и, отойдя в соседнюю долину, принялись готовить роскошный обед.

Переходя от базы к базе, геолог изучал незнакомые места, оставляя собранные коллекции на приметных вершинах, чтобы осенью, по санному пути приехать за ними.

Таян, вначале отдавшийся новому делу с энтузиазмом, очень огорчился, когда увидел, как много времени требуется, чтобы составить карту острова. К тому же появились туманы — предвестники чистой воды и прихода моржа. Когда Громов и Таян забрались на одну из высоких гор, они увидели к востоку и северу море, свободное от льда. Пришло время охотиться.

15 июля Таян ушел на станцию, а геолог остался один с Диком.

Тем временем на Роджерсе началась деятельность подготовка к предстоящим юбилейным торжествам.

3 июня по Главсевморпути был издан приказ № 109.

«В августе 1936 года исполняется десять лет со дня советизации острова Врангеля. Этот фактор огромного политического значения еще раз свидетельствует о торжестве ленинско-сталинской национальной политики, принесшей обездоленным и обреченным при царизме на вымирание малым народам северных окраин пролетарскую помощь и возрождение. За прошедшие десять лет эскимосы на острове Врангеля уже приобщились к благам советского строя и свободному труду. Советская власть дала им права граждан Великого Союза. Значительно улучшено их культурно-бытовое положение, обеспечена медпомощь, продовольственная поддержка, снабжение их орудиями промысловой охоты.

Советская культура смыывает былое невежество у северных народностей. На острове регулярно издается своя газета «За образцовую зимовку», в которой самое активное участие принимают не только охотники-эскимосы, но и их жены. В своем письме в «Правду» от 27 мая этого года охотники-эскимосы горячо благодарят советскую власть за то, что «она ведет их к радости и к хорошему. Мы все решаем остаться на острове; он нам теперь родной советский остров».

Дальше в приказе перечислялись мероприятия по улучшению хозяйственного и жилищно-бытового положения охотников.

Юбилейные торжества намечались на август, когда к острову придет «Красин».

До его прихода оставалось еще много времени, но поселок с необычным подъемом готовился к юбилею, не забывая, конечно, и о нуждах дня, об охоте на моржа, о текущей работе.

Во всех домах производилась генеральная чистка, хотя и без того в течение всей зимы везде поддерживался образцовый порядок. Заново оклеивались стены и потолки, переставлялась мебель. Чистился скотный двор, собачник, приводился в порядок склад.

Каждый день приближал врангелевцев к знаменательной дате.

Наступило время навигации — горячая пора для радиостанций и метеорологов. Сверх обычных срочных наблюдений им иной раз приходилось давать ежечасные сводки о погоде и состоянии льда. Запрашивают сведения и бюро погоды, и корабли, и самолеты.

Да и на острове всем хочется знать, где «Красин», каковы льды у мыса Сердце-Камень, не задержится ли флагман на проводке судов у мыса Шелагского. Глядя на воспаленные, красные от бессонницы глаза радиста, на то, как торопливо пьет он на ходу чай, все боялись надоедать ему расспросами. Но радиостанция понимал, что в этом году его товарищи с особым нетерпением ждут прихода парохода. И он не забывал, правда, слегка помучив людей загадочным молчанием, всякий раз сообщить последние новости с трассы.

1 августа станция встретила в полной готовности. Тускло поблескивали свежевыкрашенные крыши, ослепительно белели будки метеоплощадки. Все население острова было в сборе. Все знали: «Красин» близко.

Но прошло 2, и 3, и 4 августа.

Ребятишки не раз поднимали ложную тревогу: «Дым, дым на горизонте!» Выбегали с биноклями, влезали на крышу — напрасно. Море было пустынным.

И как всегда, долгожданное и желанное пришло неожиданно. Две трубы, знакомые трубы, а за ними и весь громоздкий корпус «Красина» внезапно выросли среди льдов.

Все ближе и ближе дорогой гость. Катер резво бежит навстречу, кружится вокруг судна, пробегая у самого его носа. «Красин» отвечает басистыми гудками.

На берегу — выстрелы, суетня последних приготовлений. На море — тишина и гладь. Сама бухта почти свободна от льда. Скорее разгружаться!.. Все остальное — потом, после... Эскимосы, полярники, бригада прибывших артистов, команда «Красина» дружно взялись за дело. Они работали двое суток почти без сна и отдыха. Но вот последний кунгас подвалил к берегу, последний ящик укрыт брезентом.

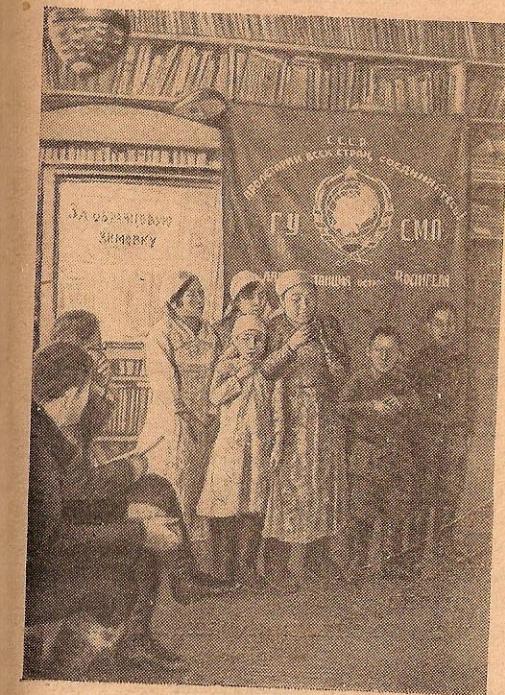
Утро 7 августа 1936 года. Большая часть населения станции спала крепким сном хорошо поработавших людей, когда под окнами рации неожиданно грянул медноголосый судовой оркестр. Трубные звуки живо подняли всех на ноги.

Врангелевцы встречали гостей. Пестрая праздничная толпа заполнила берег. Здесь же на воздухе начались танцы. Эскимосы показали свое искусство, красинцы лихо «выхаживали» казачка.

Но вот торжественный мотив

«Интернационала» взлетел над поселком. Начался митинг. Охотники окружили трибуну. Среди них находились две новые семьи в одиннадцать человек, только что прибывшие из бухты Провидения. Пока что они чувствовали себя гостями и оглядывались по сторонам. Ребятишки лнули к матерям, а вокруг них вертелись маленькие врангелевцы, полные нетерпеливого желания показать и расспросить.

Новый начальник острова (Петров выезжал на материк) и партторг Казанский открыли торжественное заседание. Они приняли красное с золотом бархатное знамя, присланное руководством и Политуправлением Главсевморпути коллективу острова. Люди не уставали говорить и слушать. Глядя на врангелевцев, гости с «Красина» невольно заражались их волнением. Это была подлинная демонстрация братского единения представителей различных народностей Союза.

Выступление школьного хора детей эскимосов на вечере самодеятельности.

Демонстрация 7 ноября 1939 г.

Но вот заговорил Таян. Его всегда любили послушать эскимосы.

— У нас в Провидении, — говорил Таян, — жизнь была бедная и скучная: все время проходило в постоянной охоте. Наши отцы и старшие братья уходили из дома в море летом на байдаре, а зимой на собаках, а то и пешком — у бедноты нехватало собак. Многие из них не возвращались — то байдару зажимало льдом и уносило далеко в море, то лед отрывало и тоже уносило. Люди гибли от голода и холода. Никто нам не приходил на помощь. Мой отец погиб на охоте в море. А теперь, если случится такое несчастье, с Большой Земли посыпают в море самолеты. Они находят людей, сбрасывают им пищу и одежду, а потом идут люди. Они спасают пропавших. Наши люди охотились за зверем в тундре на плохих собаках, в плохой одежде. Случалось, что они тоже не возвращались. Они замерзали в тундре. А у нас на острове за эти десять лет не погиб ни один человек. Это потому, что мы охотились, имея хорошие пловучие средства, хороших собак и теплую меховую одежду. Раньше мы не знали радостей. Поэтому наши люди так любили водку. Когда не было водки, они покупали у купцов гриб-мухомор и варили из него питье. Теперь, живя на острове, мы смотрим кино, слушаем радио, мы все грамотные —

читаем свою газету и сами пишем в нее. Наши дети не будут такими темными, как были наши отцы. Вот теперь на «Красине» приехал учитель. Нам прислали много книжек. Наши дети будут хорошо учиться. Мы можем спокойно охотиться, мы будем очень хорошо охотиться, потому что знаем, что там далеко, на Большой Земле, в Москве, о нас помнят и заботятся. Спасибо советской власти, спасибо товарищу Сталину!..

Вслед за Таяном выступали и другие охотники, выступала Инкали. Разными словами все говорили об одном: о годах, прожитых на острове, об исчезнувших сомнениях, о том, что жизнь становится с каждым годом лучше и зажиточнее.

Торжественное заседание закончилось раздачей подарков и премий, присланных с Большой Земли. Один за другим пакеты переходят в руки владельцев. Вот разрезана тесьма — из большой белой коробки выглянула головка прелестной огромной куклы. Голубые лучистые глаза, пышные кудри, розовое платье. Маленькая эскимоска с восторгом прижала к груди чудесную игрушку. Взрослые, забыв о своих подарках, окружают ребенка. Слышатся возгласы восхищения. Но ведь много еще есть нераспечатанных пакетов. С нескрываемым любопытством и радостным изумлением «именинники» рассматривают свои обновы: костюмы, обувь, шелье. Кто-то торопится завести новый патефон. Женщины спешат домой, чтобы скорее примерить новые платья.

Дети занялись елочными украшениями. Кто-то из приезжих рассказал им, стародавнем обычье Большой Земли — зажигать в новогоднюю ночь огни на красиво убранной елке. А что такое елка? Пришлое не только рассказать, как выглядит это дерево, но и нарисовать его. Разнообразные игрушки тешат ребят своей затейливостью. Вот побежала заводная мышь, вот заяц — белый, с настороженными ушами, заяц забил лапками в барабан.

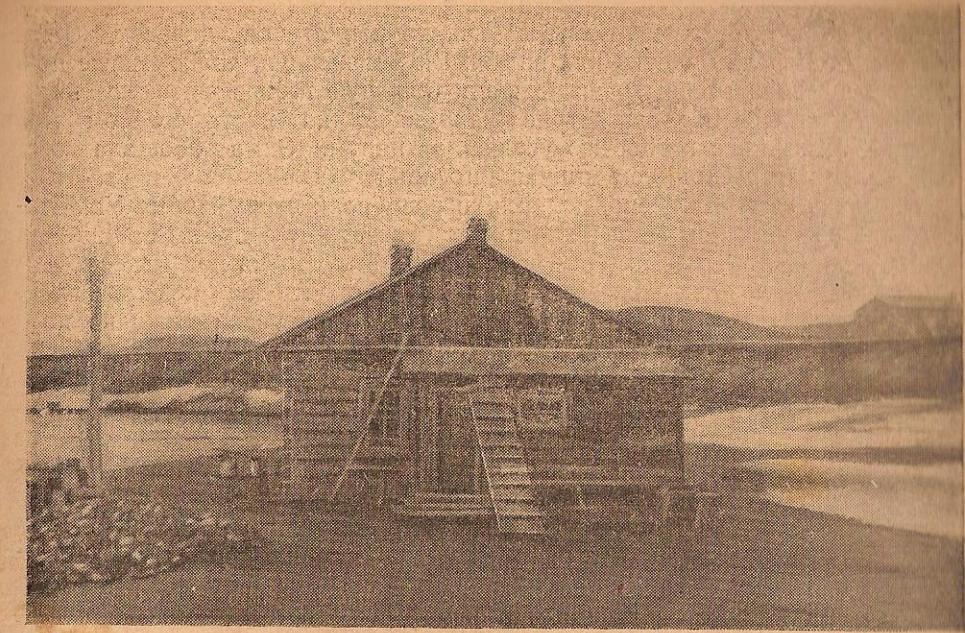
Одна из матерей пыталась уговорить сынишку отнести игрушки домой. Отчаянный рев. Малыш не желает ни на одно мгновение расстаться с грудой коробок и пакетиков. Он просто не может оторваться от них.

Тем временем гостеприимно открылись двери Кают-компании. Начался концерт. Артисты пели, танцевали, играли на скрипке, виолончели, аккордеоне. Тесное помещение не могло вместить всех желающих. Тогда раскрыли окна. Далеко по берегу разносились звуки музыки, аллюдисменты, взрывы смеха.

После концерта гости разошлись по домам — в каждом доме были накрыты столы. Иван Семеныч еще с вечера начал свои приготовления, ему помогали повара с ледокола.

Под открытым небом гремел оркестр, кружились танцующие пары. Гости расхаживали по поселку, заглядывая в каждый уголок. Всеказалось им необычайным — и собаки, сидевшие на привязи, и вольер с медвежатами, и вешала со шкурами, и светлое, немеркнущее небо севера.

Где-то грянула песня.

Школа-интернат в бухте Роджерс.

Веселью не было бы конца, если бы на заре следующего дня гудок «Красина» не напомнил гостям о том, что пора снова идти в море.

Вместе с гостями уехало и несколько работников станции, кому обстоятельства не позволяли вместе с остальным коллективом остаться зимовать вторично. Десятки писем увез с собою «Красин», бесчисленные приветы и пожелания.

Снова начались трудовые будни.

Спешно шло строительство нового дома, предназначенного под кают-компанию, которая до этого помещалась в одном доме с радиостанцией. Надо было избавить радио от «теплого», но опасного соседства кухни и поскорее открыть школу-интернат, не дожидаясь постройки специального дома.

Славная вышла кают-компания. Большие окна, просторная столовая. Прохаживаясь по сияющей белизной кухне, по всем своим новым владениям, Иван Семеныч теребил бороду и приговаривал:

— Вот они какие, пироги-то, с котятами!.. Ну и дом! И на Тверской под ресторан сгодился бы.

Налево от входа в отдельном помещении разместились книги. Их с особой любовью перенесли на новое место.

4 ноября состоялось торжественное открытие школы-интерната. Родственники учеников не без зависти оглядывали обстановку будущего жилья одиннадцати воспитанников. Матери тщательно осматривали